

Поэт, переводчик, драматург, общественный деятель, Владимир Костров начал печататься в 1960-е годы. Он никогда не создавал вокруг своего творчества накала страстей, рекламного гула, но его внятный голос хорошо слышен уже более пятидесяти лет. Владимир Костров оказал серьёзное влияние на современную литературу. В значительной степени по инициативе Владимира Андреевича Кострова учреждён День русского языка шестого июня, в день рождения А. С. Пушкина. Двадцать первого сентября Владимиру Кострову исполнилось восемьдесят пять лет.

Беседовал с Мастером Сергей Шулаков.

— Владимир Андреевич, по первой специальности вы — инженер-химик, работали в отделе Загорского оптико-механического завода, в сфере технологии экранов. Давайте добавим в разговор немножко юмора: получается, что вы, некоторым образом, разделяете ответственность за то, что все мы теперь уткнулись в электронные устройства. А вы сами пользуетесь плодами ваших прежних технических достижений?

— Я имел отношение к развитию уже изобретённых технологий, к их усовершенствованию. И это доставляет некоторое удовлетворение: неплохо внести свой вклад в общую копилку важных знаний человечества. А об ответственности — как ни отвечай, всё равно получится в шутку. Ответственность, конечно, разделяю — вместе с другими инженерами и изобретателями. Но «тяну» в другую сторону — от гаджета к книге. А сам — да, как все, пользуюсь электронными устройствами связи, в семье все работают с компьютерами.

— Вы были инициатором учреждения Дня русского языка. Для вас русский язык — вопрос внутренний, российский, или внешний, имеющий отношение к глобализованному миру?

— Мою роль нужно рассматривать лишь среди усилий других: академиков Дмитрия Лихачёва и Олега Трубочёва, Никиты Михалкова, писателей Феликса Кузнецова, Валерия Ганичева, Юрия Полякова и других.

Самая большая загадка заключается в том, что мы до сих пор пытаемся понять, для чего живёт человек, как устроен мир, как он возник. Мир

всё ещё пытается познать себя. Кто мы? Что нам ещё предстоит? Здесь роль языка, литературы очень важна.

Подобно математике, язык служит инструментом познания. Чем более он совершенен, тем он точнее говорит о явлениях жизни. К сожалению, в наше время язык претерпевает надругательство над собой.

Несовершенный язык — это всё равно что ошибочная математика.

А значение нашего языка для нас глубже всего выразил Иван Сергеевич Тургенев. Помните? «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, — ты один мне надежда и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!..»

После великих событий в нашей истории каждый раз возникает потребность осознать их. Ещё раз понять: кто мы? Почему мы и зачем мы? Что нам предстоит?

В годы моей юности, тогда, после войны, многие писали стихи.

— Какие стихи писали?

— Всякие. Стихи, которые утверждали жизнь в противовес ужасу и смерти... В тот период тяжелейших последствий войны именно язык стал людям опорой. Слова: «Пока существует русский язык, поэзия неизбежна», — для меня эти слова всегда были наполнены прямым, конкретным смыслом.

— Литературой вы стали заниматься ещё в МГУ, в литобъединении, которое возглавлял поэт Николай Старшинов. Студенты МГУ — люди разнообразно одарённые, однако вы выбрали не квн, а поэзию. Почему? Вы собирались стать профессиональными, если уместно такое выражение, поэтом? Как вам виделась жизнь в литературе тогда, в шестидесятых-семидесятых?

— Ну почему же не квн? Отдельные строчки кавээнщиков стали историческими.

Дым костра создаёт уют,
Искры гаснут в полёте сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами...

Стихи капитана команды кван Гуркина этого института нефти и газа Николая Карпового. Это было одной из форм реализации творческой одарённости, формой необходимой и по тем временам довольно престижной. Многие стали поэтами — Дмитрий Сухарев, Глеб Горбовский, Андрей Вознесенский... Вообще, значительные авторы, как правило, обладают специальностью. А некоторые продолжают в ней работать, как Александр Городницкий, например...

— *Вы работали в журналах «Техника — молодёжи», «Смена»... Тогда это сложно было назвать просто журналистикой в современном понимании этого слова. Что мы потеряли из того творческого процесса? И, может быть, что-то приобрели взамен?*

— Сейчас мы стали утрачивать романтизм — свойство не только поэтов, но и учёных, пытающихся понять тайны мироздания... Мы пытаемся добиться лишь практических результатов, и потому тайные свойства вещей для нас оказались закрыты. Это придаёт современной поэзии излишний практицизм.

— *Расскажите о вашей работе в Союзе писателей. Какие цели вы перед собой ставили?*

— Тот Союз писателей, конечно, не без чиновничьих накладок, но помогал одарённым авторам находить себя, особенно на первых порах. Союз давал возможность ездить по стране и даже за границу, и это Союз оплачивал. Сейчас молодым трудно проявить себя, для этого отсутствует система отбора. Вам попадает книга или не попадает, вы читаете, вам нравится или нет, нравится многим или единицам... Для автора, да и для многих читателей, написанное становится судьбой. То есть весь литературный процесс становится судьбой — и создание книги, и чтение её, и осмысление, конечно.

Писательское сообщество тогда стояло во главе литературного процесса. Он был тогда. Сейчас литературного процесса почти нет. Есть писатели, издающие книги, а единый процесс отсутствует. Тогда роль писателя в обществе была огромной. Писатель мог поставить перед обществом, перед государством вопрос, касающийся важной стороны жизни, и к нему прислушивались.

— *Будучи заместителем главного редактора журнала «Новый мир» Сергея Залыгина, вы внесли некоторое изменение в судьбу литературных журналов. В своё время, при Василии Фёдоровиче Одоевском, московские журналы стали интеллектуальным противовесом питерскому «литературному ремесленничеству».*

— Да, помнится, журнал «Тайм» даже назвал меня идеологом новой политики литературных журналов... Тут дело было не в риске, а в том,

что изменения уже назрели. Мы хотели, чтобы в «Новом мире», как в Большом театре, пели, звучали лучшие голоса, а они, как правило, не находятся в плену того или иного политического направления. Если бы мы гнались за сенсацией, то печатали бы исключительно новейших авторов. А мы дали целый ряд поэтов, например, Введенского, дали «Розу мира» Даниила Андреева. Безусловно, мы хотели дать то, без чего наша культура словно зияла прорехами. «Котлован» Платонова. «Доктор Живаго» Пастернака. Ну, вы, наверное, знаете — целый ряд вещей такого рода. То же мы старались делать и в поэзии.

— *Владимир Андреевич, расскажите о ваших переводах. Почему вы, как представляется, решили обновить, придать новое звучание французским стихам Тютчева, что переводили обратно на русский Фет и Соловьёв?*

— Ко мне обратились из Академии наук, тогда готовилось полное собрание сочинений Фёдора Ивановича Тютчева. Некоторые переводы оказались недостаточно адекватны как музыкально, так и по точности образа. Я ощущал некоторое смущение. Это настолько ответственно, такое обязательство... Мне хотелось соединить французские стихи Тютчева и их русский перевод и фонетически, по звучанию, и по смыслу, то есть словно воссоздать русский эквивалент французских стихов.

— *Как вы чувствуете себя в русской — и во французской литературе?*

— Свободно чувствовал себя Пушкин. Я лишь пытался донести до читателя духовный подвиг поэта.

— *Актёр, режиссёр, общественный деятель Николай Бурляев работал во многих постановках, связанных с классикой русской литературы, в том числе над фильмом «Любовь и правда Фёдора Тютчева». Как по-вашему, существует ли единая преемственность от русской классики — через произведение советского периода — к новейшей литературе? Сохранилось ли у деятелей современного искусства моральное право на создание, подержание нравственных образцов для общества?*

— Они обязаны это делать. Тот, кто не обращается к нравственным проблемам, выпадает из ряда деятелей культуры.

Николай Бурляев очень любит, чувствует слово. Некоторые относятся к этому с завистью, потому что как раз не обладают преемственностью, но продолжают учительствовать по-пустому. Литературный форум «Золотой Витязь» — очень современный, необходимый проект, который показывает, что мы научились, вернее, вернулись к возможности осуществлять компетентный отбор,

поощрять одарённых авторов. Каждый из нас может убедиться в этом, просмотрев короткий и длинный списки этого конкурсного года. Более того, я убеждён в том, что именно этот уникальный проект должен финансироваться государством. По моему мнению, деятельность Николая Петровича Бурляева достойна высших наград России.

— *Каково ваше отношение к известности и славе? Ваша песня на открытие Игр доброй воли в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, эстрадные и оперные сочинения, собиравшие анишаги, большие тиражи вселяли в вас гордость, опасение или, может быть, что-то ещё? Что есть слава обобщённо — и в отношении конкретного прославленного человека?*

— Быть нужным, необходимым, работать для кого-то, а не в пустоту,—большой успех. Такой успех я одобряю для других и горжусь своим, с этой точки зрения, успехом. Но твёрдо помню слова Пастернака: «Быть знаменитым некрасиво». Конечно, к верно понимаемой славе как возможности щедро делиться своими взглядами, открытиями с возможно большим количеством людей нужно стремиться, ради неё нужно работать. Но, достигнув славы, следует сохранять человечность.

— *Вы награждены медалью имени Пушкина — высшей наградой Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Какое место она займёт в ряду других ваших знаков литературных заслуг?*

— Я не хочу делить награды по значению. За каждую из них я благодарю людей, к ним причастных, — они трудились из добрых побуждений. Я никогда не пробивал награды, просто не видел в этом необходимости. Просто работал. Потому за награды мне не стыдно.

А медаль Пушкина «Золотого Витязя» — конечно, это знак высшего признания группы компетентных, одарённых, глядящих вперёд людей. Я ведь награждён ещё и государственной медалью имени Пушкина. Теперь они обе согревают мне сердце. Я чувствую себя словно крестьянин, у которого ухоженный надел и прочный дом и который сделал всё это своими руками. И та, и другая Пушкинские медали для меня — большая честь.

— *Если уместно, позвольте задать личный вопрос. Ваша супруга, Галина Степановна, около сорока лет работала редактором, в том числе*

в издательстве с традициями — «Молодая гвардия». Мы, конечно, не чувствуем в вашем творчестве влияния Галины Степановны, но, может быть, вы расскажете: оно там есть?

— Галина Степановна — человек, на котором я впервые проверяю качество своей работы. Я всегда показывал ей новые стихи, и её мнение очень важно — как показатель мнения тех, для кого я работаю. И она реагирует очень чутко — вот в чём влияние Галины Степановны. Но и у самой моей супруги много заслуг. Она замечательный популяризатор искусства, редактор множества произведений наших выдающихся писателей. Ею, например, полностью восстановлено собрание сочинений Василия Шукшина.

— *В каком смысле — восстановлено?*

— В советский период произведения Шукшина подвергались ангажированной, не всегда добро-совестной обработке. Галина Степановна, словно реставратор, проделала большую работу, чтобы придать им авторское звучание.

— *В одном из интервью вы сказали: «Бог русской поэзии, русской прозы, литературной критики — жив. Мне представляется, что он — больше Христос, чем Аполлон. Или, по крайней мере, существует равновесие». И всё же — первое или второе? Тоголь с его служением Богу — или радостный, в некотором роде сияющий Аполлоном античности и европейской литературы Пушкин? Какое крыло текущей литературы сейчас продуктивнее?*

— Продуктивнее, если присутствует хотя бы часть крыла. А если оба — так это уже почти шедевр. Вспомните «Дубровского». Там есть и трагедия судьбы, и героические стремления. В «Онегине» есть и лукавство, и грусть о молодой любви, которая вот так закончилась, и большая драма, не столько личная, сколько, скажем, типическая... Вот образцы для нас.

Что такое поэзия? Это когда в человеке возникает знакомое ощущение. Напойте «Вечерний звон» на любом языке — и ощущение будет одно у любого человека в любой стране. Сорвите розу или посмотрите на неё — почувствуете восхищение совершенством. Есть сочетания вещей, которые несут ощущения благородного свойства, возвышающие человека. Поэзия — это любовь к чему-либо, выраженная в слове.